

Вс. кин. — 1996. — 19 марта. — с. 7

Клубные встречи

Андрея Кнышева знают все. (Ну, может, и не все, но начало хорошее). Многие прекрасно помнят "Веселых ребят", создателем которых он является, с их потрясающими пародиями на "Что? Где? Когда?" и "Кинопанораму" (помните: "О чем этот фильм? — Да ни о чем"). В общем-то довольно безобидная передача, но в то время наделала много шума. А потом было признание за рубежом, работа на американском телевидении. Была потрясающая "Тоже книга", замечательная обилием фраз, которыми сразу хочется с кем-нибудь поделиться, прыскающая от смеха. И непрекращающийся поток идей и проектов, который не иссяк и по сей день.

Андрей КНЫШЕВ:

Была идея забросить меня в Германию, чтобы я запустил ракету

— Андрей, вас в основном знают как создателя "Веселых ребят" и как автора "Тоже книги". А ведь вы еще и композитор.

— Я сам с большим трудом и стеснением свялся с субтитром "композитор", но поскольку никак иначе это не назовешь... Я не пишу музыку на бумагу, хотя этому и обучен. Просто играл на пианино для себя. А потом как-то в Америке так сложилось, меня послушала одна музыкантша, ей очень понравилось. Потом моя музыка была использована в передаче, которую я делал на ТBS. И вот с тех пор пошло, я стал смелее выступать, показывать. Но меня легко испугать. Стоит сказать, что это плохо, я спорить не буду, спрячусь в ракушку. Дело зашло так далеко даже, что меня одна американская фирма чуть не включила в семплерный сборник фортепианной музыки "Нью-Йорк". Просто меня не нашло. Но, конечно, я не переоцениваю все это.

— Давайте вернемся немного назад. Вы ведь закончили инженерно-строительный институт. Как вас занесло на телевидение с такой совершенно нетелевизионной профессией?

— Когда я еще учился в школе, меня почему-то учителя литературы все время ставили в пример. И тыкали носом, как котенка в молоко, чтобы я поступал на факультет журналистики. А я не хотел. У нас был математический класс, очень сильный. Но что-то у меня получалось, какие-то почеркушки детские, эпиграммы. А когда я поступил в МИСИ, там был КВН, еще не телевизионный. Тогда первый КВН был закрыт напроочь, и эта энергия не находила выхода, студенчество искало пути для выражения себя. Ну и я, конечно, туда пошел, я обожаю КВН. Там я встретил хороших ребят с курсов постарше, которые чуть серьезней к этому относились, не просто как к дуракавалянию, а с требовательностью художника. И пошло-поехало, я начал писать сценарии, потом были агитбригады, студии театральных опытов, худсамодеятельность в стройотрядах. И даже в военных лагерях, когда мы в сапогах плясали в солдатской столовой под "Бони М", чем вывели из себя всех полковников и привели в восторг 600 гогочущих стриженных будущих строителей! Потом я был лучшим капитаном какого-то сезона. Хотя в то же время я неплохо учился, был даже ленинский стипендиат. Ну и через КВН я попал на телепередачу "Салют, фестиваль!" в 1978 году. Это был разрешенный цензурой конкурс капитанов КВН. Мы соревновались в эрудиции, в том, как много мы знаем о каком-нибудь молодежном международном движении. Ну и заодно туда проталкивались чисто КВНовские конкурсы: певческие, литературные, выездные. В общем, блестящая идея для тех времен. Я доучивался в МИСИ, и

потом меня пригласили соавтором сценария следующей передачи, а затем работать на телевидении. И я понял, что хочу этим заниматься. Но я все-таки был строителем, и уже распределение на носу. И я в страшной спешке объехал все инстанции, собрал необходимые документы, где надо, соврал. Все решилось, и я был направлен на телевидение "...для работы по специальности". Первая моя должность называлась "Инспектор по основной деятельности". Переходная такая стадия. Но на людей страху наводила. Сразу все двери открываются, везде порядок. Но, кстати, из восьмидесяти человек в молодежной редакции 78 не имели журналистского образования. Это даже считалось плохим тоном: значит, человек из тепличных условий, жизни не знает. Поэтому там были железнодорожники, строители, агрономы...

— Когда вышла передача, она имела громадный успех...

— Да, людям нравилось, и мы это чувствовали: по письмам, по звонкам. Но все это было постепенно. Не было такого, чтобы мы вдруг проснулись знаменитыми. Нас ведь закрывали каждый раз: мы выходили — и нас закрывали. Все время был скандал: то в отделе пропаганды ЦК партии разнос учинят, то какой-нибудь ветеран позвонит во время эфира, мол, что вы там устроиваете. То нас так "похвалят", что потом не отмоешься. То корреспондент из буржуазной газеты захочет взять у нас интервью, получалось, что враг делает комплимент. Мы постоянно маскировались, меняли название. "Веселых ребят" закроют, а мы теперь — "Адреса молодых". И опять за свое. Скандал утихнет, мы обратно. И постоянно шли талантливые ребята, на которых можно было опереться. Это и держало. У нас впервые на экране появился Гребенщиков со своим "Аквариумом", мы протаскивали "Машину времени". Они ведь были запрещены. Ну и мы хитрили, снимали так, что дурак не поймет, о ком речь, а кому надо, тот узнает. В общем, была такая андеграундная передача. Я был вообще невыездным. Так что какой там успех... Все делалось на чистом энтузиазме, просто были люди, которые так любили нашу передачу, что оставались после работы, чтобы, скажем, доделать монтаж. Единственный, пожалуй, зримый результат нашей популярности.

— Вы были в числе первых российских журналистов, кому удалось поработать на западном телевидении, да еще к тому же и снять фильм о НАТОвской армии...

— Ну это было уникальное время. Русских тогда очень привлекали на Западе, и я снял самые пенки всего этого. Нас делали почетными гражданами каких-то городов, обнимали, целовали. Все лезли пощупать живого русского. Да, и вот появился такой проект — с группой журналистов сделать специальный выпуск журнала "Панорама", вроде как глазами русских о Голландии. Ну я согласился, выглядело вполне привлекательно. А потом при распределении тем оказалось, что мне досталась армия. Прямо скажем, совсем не моя тема. Это все равно что мне бы сказали: "Хочешь в Нью-Йорк на неделю? Но проведешь все время в канализации". Но как-то уломили. И я там увидел массу интересного. Мне было разрешено снимать все, кроме внутренних танков. Да, и меня при этом тоже снимали, как я на танке этом езжу, и т.д. Даже была идея, чтоб уж совсем круто было, забросить меня с голландскими частями в Германию, чтобы я там запустил ракету. А я как-то стеснялся, решил согласовать с Москвой, а потом уже поздно было. Но кадры там хорошие получились. Как, например, они моют танк французским шампунем или как полевая кухня охотится за солдатами, подъезжает к ним и спрашивает: "Не угодно ли гамбургер и чашечку кофе?". Но самый мой любимый кадр, конечно, когда камера переезжает от солдат, чистящих автомат, на стену, где висит огромный плакат из "Плейбоя". Причем не то что один плакат, а вместо обоев — все стены заклеены голыми красотками! Потом, у них можно носить волосы до плеч, можно их в зеленый цвет покрасить. Все, что угодно, лишь бы это не мешало носить каску. Разумная такая армия. И вот из всего сложился часовой фильм.

— После выхода "Тоже книги" вы встали в один ряд с писателями-юмористами. Вы общаетесь с коллегами по цеху?

— Да я, собственно, не считаю себя так уж писателем-юмористом. Любые такие заскорузлые ярлыки — это уже смерть. "Все, я поэт. На-

до отмечаться каждые 2—3 года, книжечку выпустить, я ж поэт!". А он, может быть, давно уже не поэт, а давно хочет стать прозаиком или мастером-краснодеревщиком. А у меня такие приступы веселости и сатирического прищуривания время от времени. Я в них с утра до вечера не нахожусь и не готов в любую минуту напрыгаться и выдать шутку, как машинка. Иногда смотришь на себя в зеркало: неужели этого человека кто-то называет юмористом? А потом, многие вещи идут от другого, от болезненного осознания какой-то истины, которую хочется выразить наиболее четко и ясно. Часто это получается в такой парадоксальной форме. И это вдруг оказывается смешным. Но я-то шел к этому от обратного, у меня не было задачи рассмешить! И вот это все понемногу накапливается. Я ведь "Тоже книгу" не писал, она создавалась постепенно, как коралловый риф. А что касается тусовки юмористов, то я в нее, пожалуй, не вхожу. Хотя многих я знаю и люблю очень давно: Владимира Вишневого, Виктора Шендеровича, Аркадия Арканова. Вот Арканов, кстати, тоже не любит, когда его называют писателем-юмористом, хотя прямо может этого и не сказать. Он считает себя просто писателем.

— Сейчас многие наши сатирики записали. А вам никогда...

— Петя не буду!

— Хорошо-хорошо. Скажите, а намечается продолжение "Тоже книги"?

— Не дождался! Нет, что-то, конечно, будет, но уже совершенно другое. Питательный бульон вокруг другой. Но какие-то почеркушки появляются все время, сентенции, размышления. Они даже определенной литературной формы не имеют. Хотя некоторые из них в стиле "Тоже книги". Они, видимо, войдут в ее второе издание, дополненное и расширенное. А вообще ту книгу, которую я хотел бы сделать, которая будет действительно новой по жанру и меня она щекочет и дразнит, я делаю, сценарий ее уже готов. Но это долго, трудоемко. Или, наоборот, надо брать за нее как за передачу, у которой есть точная дата выхода. Вообще, если подумать, идея уйма. Я тут заглянул в свой компьютер и ужаснулся: у меня там 105 файлов!

— Существует мнение, что юмористы по жизни скучнейшие люди и от них шутки не дождешься. Вы с этим согласны?

— Ну это так и не так. Если юморист уж юморист, значит, у него есть эти состояния, просто он в них не всякого пускает. Или один на один в них находится, или время от времени. Но без корней не может быть листья. То есть юморист вместе со всеми копается в этом дерьме, там его корни, он страдает за себя и за других, а потом трансформирует все это в такие веселенькие цветочки. Я уверен, что у любого содержательного юмориста бывают такие периоды высокой грусти и трезвого, не всегда оптимистичного взгляда на вещи. Но многим так навязываемым юмористам навязывают их имидж. Миша Задорнов говорил, что он бы и хотел сменить амплуа и о каких-то других вещах его сейчас тянет думать и писать, а аудитория тянет назад: "Нет, ты юморист! Ты давай смеши!".

— Вы часто сталкиваетесь с ситуацией, когда в компании от вас все время ждут какой-нибудь шутки, анекдота?

— Да бывает. Это сразу видишь по такому выжидательному, восторженно-глуповатому выражению лица, мол, сейчас сморзится. Но я их быстро ставлю на место и показываю, какой я мрачный и скучный. Самое тягостное для меня, когда просят любимый анекдот рассказать. А я их патологически не запоминаю. Помню, что смешной, а о чем, не помню. Так что я просто заучил три анекдота и всем их рассказываю.

— А новую "кнышутку" не просят рассказать?

— А вот тут сложнее. Хочется же рассказать последнее, самую смешную. Вот сейчас меня спроси...

— Считайте, спросил.

— Ну вот, например: "Раньше эта болезнь называлась рожа, а теперь — харизма". Это я хочу пародию на передачу "Здоровье" сделать. Или вот: "Рождайтесь скорее, ваша публика уже рукоплещет". Или вот женское такое: "Бриджит Бардо пишет: первую часть своей жизни я посвятила мужчинам, вторую — животным. Что, в сущности, одно и то же". А бывают просто такие штришки типа "Дочь братьев Вайнеров" или "Партия любителей яблок". А! Вот то, что я хотел: "Конферансье: Следующего исполнителя, я думаю, не нужно представлять. Я думаю, ему не нужно и выступать". Ну и напоследок такое философское: "Нет, в этой жизни все-таки есть глубокий смысл... пожелавший остаться неизвестным".

— Расскажите о вашем новом проекте.

— Я сейчас готовлю новую передачу, называться она будет "Серьезные мужчины", своеобразное продолжение "Веселых ребят". В ней снимаются как стародавние участники, так и новые лица. Специально приехали из Финляндии и Греции Таращанский и Богдасаров, которые принимали участие в съемках первых программ, они сейчас уже профессора. Многие их помнят по пародии на "Кинопанораму". Да что там говорить, у нас уже заслуженные артисты есть, дожили и до такого. Ну еще участвуют Леонид Сергеев, Сергей Шустикский, который сейчас ведет "Караоке по-русски". И множество других известных личностей: Андрей Столяров, Алексей Лысенков, Алексей Кортнев, Женя Воскресенский, возможно, Игорь Угольников и многие другие. Причем я знаю, что все они до конца не раскрылись, и я им хочу создать для этого все условия. Программа планируется дорогая, это будет нечто среднее между телепередачей и фильмом, некий коллаж из жанров с применением компьютерной анимации, съемок на дорожку киноплёнку. Будут дорогие костюмы, декорации, причем подчас ради 3-минутного скетча. Процентом на 60—70 она уже снята, частично смонтирована, озвучена. У меня уже 19 концепций следующих программ, они откладываются где-то в защечном мешке. При этом я стараюсь избегать сиюминутных реалий, хочется, чтобы кассету с этой программой можно было бы посмотреть через 3, 5, 10 лет. Чтобы она как-то была приближена к международным стандартам. А то ведь, когда мы показывали на Западе русские программы, приходилось все время останавливать, объяснять, извиняться, говорить, что вот здесь у нас денег не хватило, вот тут нас порезали, а здесь у нас такая аппаратура была, что ею только орехи колоть, но вы понимаете, что мы могли бы сделать, если бы у нас была такая же машинка, как у вас. И мне хочется, чтобы если ты делаешь что-то там, то можно было бы показать это здесь, и наоборот. Теперь ведь я знаю, что зрители везде одинаковы. Костюмчики разные, а суть одна. И можно спокойно рассмешить француза, японца... (Подумав) Ну японца сложнее, но тоже можно. Вот зашлите меня в Японию, как Рихарда Зорге, и я вам через год сделаю японскую юмористическую программу.

Беседовал Алексей МУНИПОВ.
Фото Владимира БОНДАРЕВА.